

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ НЕКРАСОВ

(ПО ЛИЧНЫМ ВОСПОМИНАНИЯМ)

I

<...> У нас, обыкновенно, не приводят натуру, склад и особенности известной личности в связь с тем *бытовым* типом, к какому она принадлежит. Кто знает разные великорусские местности, тот, конечно, отличал в Некрасове типического человека, сложившегося в обстановке помещичьего быта в *приволжском* крае. У Некрасова посадка тела и лицо имели севернорусские черты. И редкий из наших писателей, воспитавшихся в дворянской помещичьей среде, сохранил в себе столько физиономической и бытовой связи с народным типом, хотя в последние десять лет - до смерти - (период, когда я лично знал Некрасова), да, вероятно, и прежде, он не грешил никаким народничаньем ни в костюме, ни в тоне, ни в образе жизни. Лучшие его портреты показывают этот типический склад лица и фигуры, какой вы встретите в наших волжских местностях. И борода во французском вкусе, которую он стал запускать только в последние годы, не отнимала у его лица бытовой своеобразности. Натура у него была действительно железная, донельзя выносливая и в умственном труде, и в разных физических упражнениях. Никто бы, взглянув на него иной раз за три, за четыре года до смерти в пасмурный петербургский день, когда он весь гнулся и морщился, никто, говорю я, не зная его лучше, не поверил бы, что этот человек мог в тот же день отправиться на охоту и пробыть десять - двенадцать часов сряду под дождем и снегом. Болезни, нездоровые привычки петербургской жизни, сиденье за корректурами или за карточным столом, несладкие испытания писателя и редактора журнала и, наконец, долгие годы бедности, почти нищеты, томительного пробивания себе дороги - все это превратило бы другого человека в дряхлого старика в те годы, когда я знал Некрасова; а он смотрел совсем нестарым человеком, и только один голос, давно получивший некоторую хриповатость, показывал, что свежесть молодости утрачена.

В Некрасове сидел также типический холостяк, хотя он и умер женатым. Весь образ его жизни, обстановка, характер выездов и приемов - все это сложилось в условиях холостой жизни. День начинался поздно; кроме редакционных приемов, вряд ли кому удавалось видеть Николая Алексеевича раньше часу; корректуры, посещения ближайших знакомых и приятелей, прогулка брали время до обеда. Вечер и часть ночи проводились в клубе. Квартира, памятная писателям нашего поколения, сохраняла холостой тип: зала, служившая первоначально и бильярдной, и редакционной приемной, и два больших кабинета, из которых один превращен был впоследствии в бильярдную, собаки, люди, - все говорило о холостых привычках хозяина. Отношение к *людям*, то есть к своим служителям, было у Николая Алексеевича чрезвычайно гуманное и широкое. Конечно, многие помнят его Василия¹, удалившегося за несколько лет до смерти барина. Такие камердинеры складываются только на службе в домах, где идет холостая жизнь. Они заведуют хозяйством, принимают и отказывают, кому хотят, обращаются даже с близкими знакомыми и приятелями хозяина - глядя по своему личному расположению. Вряд ли такой камердинер мог у кого-либо получать больше и пользоваться большим авторитетом. И его преемник, взятый из мужичков-охотников и оставленный в полудеревенском виде², придавал квартире Николая Алексеевича своеобразный оттенок. На хозяйство тратилось, вероятно, вдвое и втрое больше, чем следовало, и Николай Алексеевич относился к этому очень добродушно и с юмором, особенно, когда говорил о том, как его обворовывает повар. Всегда приятно было видеть в нем совершенно простое и часто любовное отношение к людям из народа, без всякой сладости и сентиментальности.

Это обращение с народом придавало и его манере говорить, его языку безыскусственную оригинальность; несколько не странно звучало слово "отец", которое он любил часто употреблять, говоря с более близкими знакомыми или сотрудниками. Не совсем легко было схватить своеобразность речи Некрасова, и редко можно было вызвать его на оживленный разговор, особенно в последние Два года до болезни. Приближение этой болезни, припадки хандры в связи с негигиенической привычкой очень поздно ложиться, делали его угрюмым и молчаливым, но случалось, за обедом у него или когда он захаживал посидеть-- вызывать его

на оживленный разговор, в особенности наводя его на воспоминания о прежних литературных эпохах или на рассказы о жизни в деревне, на охоте, за границей. Только в такие удачные минуты и проявлялись во всей своей обаятельности ум, юмор и душевный склад Некрасова. Мне лично не случалось, с тех пор как я стал писателем, встречать более своеобразный, природно русский ум, как у него. Этот ум мог подчиняться в его произведениях известному публицистическому настроению, брать мотивы у других или, по крайней мере, колорит, окрашивание; но в беседах о чем бы то ни было или в деловом разговоре, отрывочными фразами, ум этот сохранял всегда нечто неизменно свое и практически дельное, и человечно широкое, и привлекательное. Многие знают, как *пленителен* мог быть Николай Алексеевич, когда хотел этого. Он не говорил вам любезностей, не делал комплиментов; но одной какой-нибудь интонацией, словом, определением, а в особенности оттенком своего понимания, овладевал вашим сочувствием, и как только хандра или нездоровье, или раздражение петербургской жизни слетали с него, сейчас всплывали своего рода наивность, здоровое чувство жизни, ее хороших наслаждений, юмор и шутка. В этом человеке привычка к напряжению волн поддерживалась не только трудом, но и двумя его главными страстными утехами: охотой и картами. Ни в ком я не встречал такой внутренней заботы о том, чтобы всегда владеть собою, не сдаваться пред опасностью какого бы то ни было рода.

- Хуже трусости, - говорил мне раз Николай Алексеевич, -- ничего быть не может! Как только человек трусил, он погиб, способен на всякую гадость, сейчас же превращается в зверя.

Но выдержка в крупных вещах - реже появлялась у него в обыденных фактах и сношениях жизни. На европейский взгляд, он, конечно, грешил неровностью своего тона, частой сумрачностью и мог отталкивать от себя многих, но вспышек беспричинного раздражения или того, что называется капризом, я почти никогда не видал у него. Помню одну сцену законного раздражения.

В последние десять лет Некрасова одолевали и лично и письменно просьбами о денежном пособии. Мудреного тут ничего не было: всякий знал, что он человек с хорошими средствами; по всему Петербургу ходили рассказы об его очень больших выигрышах. Но вслед за просьбами пошли и разные виды шантажа, угрозы обличений. Вот один из таких навязчивых просителен и явился раз в приемный день. Некрасов вышел из кабинета и раздраженно крикнул:

- Что вам от меня угодно? Вы пристаёте ко мне каждый день, пугаете меня; я вам сказал, что больше вам давать ничего не буду!

И потом, обратись к нам (нас было несколько человек), прибавил:

- Просто житья нет в последнее время! Дошло до того, что дожидаются меня у подъезда и говорят всякие грубости.

Но и в этих случаях у него вырывались ноты не раздраженного только человека, а человека, умеющего дать отпор каждому, и когда следует.

II

Кто знал Некрасова в Петербурге, тот, конечно, не мог отделить в нем человека от литературного деятеля. И тут опять являлось в нем нечто совершенно своеобразное: писатель с крупным именем и большой популярностью и, в то же время, человек с образом жизни любого помещика, приезжающего на зиму в столицу, где он проводит половину дня за карточным столом. Наверное, многие из нелитературных приятелей и простых знакомых Некрасова забывали очень часто, кто он такой. А между тем вряд ли был в последние тридцать - сорок лет редактор, более преданный интересам литературы. В нем постоянно жила не одна только хозяйственная жилка литературного предпринимателя (хотя и она несомненно сказалась в нем очень рано), но главным образом любовь к делу, к успехам свободной русской мысли, к изящной словесности, к поэзии. В этом надо было убедиться в личных сношениях; на первое

же знакомство, особенно вне редакционного кабинета, Некрасов мог производить впечатление человека равнодушного, скучающего, а иногда и сухого скептика, которому ни до чего нет дела. Но в нем сидел настоящий борец за русскую мысль и слово. Без делецкой натуры он бы не мог так скоро пробиться. Первая молодость, проведенная в нищете или, по крайней мере, в очень суровой житейской школе, дала ему выдержку сообразительного и ловкого человека, выработала в нем нюх и чутье. Умение привлекать людей, заставлять их работать, группироваться вокруг того дела, которое должно было доставлять ему известный доход. Прежде на эту тему любили распространяться в обличительном духе, но, не говоря уже о том, что весьма трудно нам восстанавливать факты, бывшие сорок лет тому назад, несомненно то, что без практической способности Некрасова "Современник" не продержался бы, а потом, точно так же, после запрещения его, не возобновил бы своего существования в виде "Отечественных записок". Среди нас такая выдержка ценнее во сто раз, чем на западе: она требует гораздо больше ума и деловитости.

Каждый, кто имел дело с Некрасовым, - хозяином журнала, - согласится, что в нем как в редакторе развилось чрезвычайно драгоценное свойство: широкое отношение к работе сотрудника. Раз он признал в ком-нибудь талант, заинтересовался им, он шел прямо к нему, писал или знакомился и, без дальних проволочек и выгораживаний своего редакторского достоинства, говорил, что ему нужно или что он желает иметь от этого сотрудника. На иной взгляд, может быть, Некрасов действовал иногда уже чересчур широко, например, писал или говорил вновь приобретенному сотруднику: "Вы нам доставьте вашу вещь - иногда это бывал целый роман - к такой-то книжке". И при этом он как бы совсем не заботился ни о содержании, ни о форме этой вещи. Очень часто он отсылал в типографию рукописи, не читая их, и знакомился с ними только в корректурах, разумеется, когда дело шло о сотруднике, известном ему³. Но и с начинающими поступал он почти так же широко. Рукопись могла не очень скоро попасть к нему на прочтение - это правда, но вряд ли хоть одна талантливая вещь была им не замечена. Известны подробности о том, как попали, например, в сотрудники "Современника", а потом "Отечественных записок", такие начинавшие тогда беллетристы, как покойные Помяловский и Решетников⁴. В выборе и быстроте, с какой он налагал руку на талантливую вещь, в том, как он умел привлечь молодого писателя - и сказывалось его превосходство в журнальном деле. Он сам слишком хорошо знал писательскую нужду, чтобы не оказать поддержки молодому человеку, давая ему вперед денег за рукопись, а впоследствии и просто за будущее сотрудничество.

Во второй комнате теперь исторической квартиры, на Литейной, первое от двери зеркало играло большую роль в душевных ощущениях сотрудников, не умеющих сводить в своем бюджете концы с концами. В подзеркальнике имелся узкий ящик; в него (в последние годы, по крайней мере) Николай Алексеевич клал обыкновенно деньги, возвращаясь вечером из клуба, клал их так, зря, не пересчитывая. Хозяйство "Отечественных записок" было уже арендное, и выдачи вперед делались с согласия собственника журнала; надо было каждый раз давать записку в контору. И вот очень часто Некрасов вынимал радужные ассигнации из узкого ящика, скрытого в подзеркальнике, и выдавал их сотрудникам, делая им, так сказать, личный кредит.

На это могут сказать, пожалуй: "Каждый редактор, не отличающийся мелочной скаредностью, сделает то же!" Положим; но далеко не каждый в состоянии так умно и объективно относиться к труду молодых писателей, к их оригинальности и творческой инициативе, так сдержанно пользоваться своими редакторскими правами. В этом смысле я, по крайней мере, на своем писательском веку не знал редактора более либерального, чем Некрасов, беря слово "либеральный" в его применении к свободе авторского труда. Не очень трудно уразуметь, что в авторе такой-то повести есть талант (да и это разумение дается далеко не всем редакторам), но гораздо труднее отрешиться от своего редакторского я, попросту говоря - не умничать, не задерживать начинающего писателя, не заставлять его подделываться под тон издания, даже и в художественных вещах, не требовать от него разных, часто горьких и унижительных уступок, не вызываемых вовсе цензурными соображениями. В последнее время эти замашки положительно развились. Беспреданно слышатся жалобы начинающих беллетристов на то, как обращаются с ними и тогда, когда вещи их приняты. Такие жалобы слышатся и от молодых писателей, занимающихся критикой и публицистикой. Нигде почти человеку свежему, тому, кто не хочет надевать мундира известного органа, нельзя смело и широко заявить свою литературную личность. Не говоря уже о множестве всякого журнального

полемиического хлама, какой накопился в последние двадцать лет, о вражде, недоброжелательстве, зубоскальстве, мелких сплетнях, чисто денежном соперничестве, - просто исчезает, если не совсем исчез, дух почина и пытливости, смелость, без которых трудно двигать вперед дело литературы; а всеми этими свойствами, до последних годов своей жизни, обладал Некрасов.

И если возразят на это, что "Современник", с тех пор как сделался влиятельным журналом, весьма строго держался своего знамени, то это, во-первых, не мешало беллетристическому отделу. Не только прежде, в конце пятидесятых или в начале шестидесятых годов, всякий талантливый беллетрист мог найти там гостеприимство; но даже в последние годы, когда "Отечественные записки" точно так же строго держались своих общественных идеалов, ими, по инициативе Некрасова, принимаемы были произведения писателей даже противного лагеря. Стоит мне только упомянуть о "Подростке" Достоевского. Может быть, это и была ошибка;⁵ но она показывала все-таки широкое отношение к таланту и к авторской самобытности.

Да и самые оттенки направлений, какие наслаивались на журнале, издававшемся Некрасовым, были гораздо больше делом его главных сотрудников, чем его самого.

На эту тему я помню весьма отчетливо разговор с Николаем Алексеевичем и могу привести его слова, не ручаясь, разумеется, за их буквальную подлинность. Было это не больше, как за год до его болезни.

- Нельзя, - говорил он, - все самому делать. Надо предоставлять сотрудникам то, в чем они смыслят больше. Я всегда так старался поступать. Вот когда пришел к нам Чернышевский, я и вижу, что ему - книги в руки. И устранился, отдал ему в полное распоряжение все серьезные журнальные отделы. Точно то же было, когда и Добролюбов показал, какой в нем критический талант. Я опять не стал вмешиваться.

А раз это так, журнал принимает окраску самых даровитых и энергических членов редакции. В этих случаях, когда сам редактор не считает себя особенно образованным, будет всегда больше жизненности и смелости в журнале. А Некрасов нисколько не преувеличивал степени своего образования; он очень хорошо знал, что его главный запас: природный ум, искусство распознавания людей и чутье того, что в данную минуту может двигать общественное самосознание и литературное дело. Никогда не приводилось мне схватить в его замечаниях, рассказах о себе или о других, хоть малейшего оттенка именно хозяйско-издательского самомнения. Также не было в нем и той мелочности, какая многим заменяет настоящую дельность. Все шло так, само собою; были, конечно, и упущения, при его образе жизни: рукописи по беллетристическому отделу, когда он им заведовал, частенько залеживались: но все-таки таланты получали ход. Молодой писатель чувствовал не одну только денежную, но и нравственную поддержку. Хотя Некрасов и не отличался никакой сладостью, но его похвала, выраженная двумя-тремя словами, стоила фразистого письма или одобрительного отзыва - тоном директора департамента. Так точно и во всех других сношениях по работе: он не раздражал никакой мелочностью, не требовал непременно известных строгих сроков, ставил всегда суть выше формальной стороны. Зато с чем бы вы к нему ни обращались, даже и в последние годы, когда он стал уже прихварывать, вы получали на все ответы, большею частью короткими записками, но толковые и всегда характерные.

Разумеется, веда он другой образ жизни в Петербурге, особенно в последние годы, и не чувствуя утомления от долгой возни с людьми, он мог бы придать другой характер отношениям между редактором и постоянными сотрудниками, с начала семидесятых годов, когда "Отечественные записки" уже закрепили свою новую физиономию. Я приехал тогда из-за границы и находил, что легла довольно резкая черта между членами редакции и постоянными сотрудниками. Это не происходило, мне кажется, исключительно от того, как Некрасов держал себя. Тут действовали и другие причины: разница лет, вообще не бойкость многих журнальных работников, а также и то, что редакция состояла уже из нескольких лиц. Но в отдельных сношениях с сотрудниками Николай Алексеевич оставался все тем же чутким редактором, любящим литературу, и гостеприимным хозяином.

Едва ли не он один умел поддерживать "Отечественные записки" в их официальном положении. Он ладил с разными членами подлежащего ведомства. Двоих-троих из этих господ я видал у него на обедах. Один был страстный охотник, и беседа велась на охотничьи темы, другой любил бильярдную игру⁶. Так или иначе надо было с ними ладиться. И когда выходили задержки, когда грозила опасность потерять книжку, а может быть, и совсем скомпрометировать издание, Некрасов не утрачивал спокойствия, умел делать уступки, относился ко всем этим передрыгам с чувством и тоном бывалого журналиста.

И как бы его ни утомляло долгое сиденье в клубе, все-таки вы заставляли его днем с листами корректур, все-таки вы могли всегда найти в нем человека отзывчивого на то, в чем сказывался талант или умственная смелость. К молодым поэтам едва ли не он один, в тогдашнее время, и относился с настоящим сочувствием, прочитывал множество плохих и часто безграмотных тетрадок и листков, присылаемых ему отовсюду, охотно печатал все порядочное, любил разговоры о начинающих стихотворцах. Бедность талантов и по беллетристике, и по другим отделам искренне огорчала его. Помню, как он говорил об оскудении в молодых людях критических дарований за последние десять лет, и, конечно, явись в начале семидесятых годов другой Добролюбов, он нашел бы в Некрасове такую же поддержку. И ему была бы предоставлена гораздо более широкая самостоятельность, чем где-либо.

III

Писатель в Некрасове совсем не выставлялся напоказ. Его можно было наводить на рассказы из жизни литературных кружков; при этом он охотно приводил разные факты из собственных воспоминаний, но не любил вовсе наполнять беседу своим писательским я. К семидесятым годам его личное отношение к публике сделалось цельным, проникнутым благодарностью. Я не нарочно употребляю это слово; несколько раз мне приводилось слышать от Некрасова фразы вроде следующей:

- Мне жаловаться нечего. Я в полной мере награжден. Вряд ли кому стихи принесли столько, сколько мне.

Он указывал на крупную денежную сумму в несколько десятков тысяч, которую за последние пятнадцать - двадцать лет доставили ему издания его стихотворений⁷. Конечно, не в одном этом денежном заработке заключалась награда; но, как человек труда, знающий, как нелегко достается у нас пишущей братии материальная обеспеченность, он на цифрах и фактах показывал, насколько русская публика ценила его дарование и откликалась на мотивы его поэзии. Вообще, несмотря на надвигающуюся болезнь, потерю свежести и ясности духа, в нем нисколько не развивалась писательская тревожность или раздраженность самолюбия. В такой натуре не могла преобладать склонность к постоянной возне с самим собою, к раздвоению, к возделыванию своей авторской суетности. Дело редактора (хотя он в последние годы и гораздо меньше предавался ему) заставляло его жить в общении с творческой работой других. А петербургский его образ жизни, при котором сосредоточенная творческая работа была почти немислима, отнимал возможность уходить исключительно в свои авторские заботы, мечты и тревоги. В нем прежний журнальный чернорабочий, принужденный писать что попало - и водевили, и куплеты, и романы, и рецензии, - уступил место художнику, любовно и строго относящемуся к тому, что должно остаться, что он выпускает в свет с ответственностью поэта, любимого публикой.

Когда заходила речь о творческой работе, Некрасов и молодому писателю не позволял себе, как у нас говорится, давать *генеральские* нравоучения, не указывал в пример на самого себя, а попросту сообщал, как он сам пишет. Только в деревне ему работалось. Но поэтические настроения подвергал он строгому контролю после того, как набрасывал на бумагу все то, что в первом порыве творчества лилось без удержу.

- Из пятисот, из тысячи стихов, - говаривал он, - оставишь только сотню, остальное беспощадно перехеришь.

Помню я рассказ Николая Алексеевича о том, как в деревенском доме, после удачной охоты, ночью, он записался.

- Голова так разгорелась, что образы пошли, как живые; и так заработал мозг, что я даже немножко испугался. Никогда еще не испытывал я ничего подобного. Пошел к буфету, достал там чего-то, коньяку или наливки, и стал пить. Только этим и спасся.

Мне кажется, что в нем, как в поэте, до самой смерти сознательно боролись два человека: один - поэт, другой - обличитель общественных недугов. В последнее время второй преобладал; но первый никогда - и к счастью - не сдавался, не хотел замолкнуть; а в предсмертных стихотворениях, вылившихся во время ужасных страданий, воскрес заново. Николаю Алексеевичу, сколько я заметил, всегда приятно было выслушивать тех, кто ценил в нем *поэта*, кто откровенно, иногда даже резковато, ставил в нем сатирика на второй и на третий план. Сам он с большой любовью относился к таким своим произведениям, где творчество не поставлено в тиски известного условного тона, и, не захвати его, болезнь, он, конечно, дал бы еще более широкий полет своему чисто поэтическому дарованию.

Последний разговор, какой мне удалось иметь с ним, происходил с лишком за год до его смерти, весной, в Летнем саду. Болезнь уже подтачивала его; ему трудно было ходить; но тогда еще он вряд ли смотрел на себя как на безнадежного больного. Разговор коснулся начинающих писателей - тех, кого судьба закинула в глушь провинции, - и тут Николай Алексеевич вспоминал картины жизни в уездном городке, говорил, что такое значило в эпоху его юности для какого-нибудь восприимчивого молодого малого случайно открытая поэтическая вещь, тетрадка стихов, поэма Пушкина, Лермонтова.

- Идете вы, - говорил он, - вечером мимо домика. Окна открыты, и такой вот юнец сидит в темной комнатке и валяет целыми строфами вслух, упивается ими, а там, глядишь, и зародилось в нем что-нибудь...

Проститься с ним мне не привелось, как и многим, кто сохранил к нему цельное чувство.

Примечания

Петр Дмитриевич Боборыкин (1836--1921) в 60-е годы сотрудничал в журнале "Библиотека для чтения", враждовавшем тогда с "Современником". Будучи редактором-издателем этого журнала (1863--1865), он помешал в нем антинигилистические произведения, осмеивал "петербургских мудрецов" - так Боборыкин называл сотрудников "Современника". После прекращения издания журнала он уехал за границу, где встречался с Герценом, присутствовал в качестве корреспондента на Брюссельском конгрессе (1868) I Интернационала, стал сочувственно писать о борьбе пролетариата. В конце 1867 года Боборыкин, узнав о перемене редакции "Отечественных записок", предложил Некрасову ежемесячные обзоры "С перекрестка цивилизации" и какую-то "беллетристическую вещь" (*ЛН*, т. 51--52, стр. 132--133). "Писал и Краевскому и Некрасову, - жаловался он в письме к Н. Н. Страхову в январе 1868 года, - но ответов, разумеется, не удостоился" (*ГПБ*, ф. 747, ед. хр. 9). В ноябре 1868 года он направил Некрасову статью о конгрессе I Интернационала в Брюсселе и о Бернской конференции международной демократической организации Лиги Мира и Свободы. Боборыкин писал Некрасову: "Я проделал оба конгресса в Брюсселе и Берне, имеющие такую тесную мыслительную и социальную связь; на мне лежит безотлагаемый долг сказать свое слово, а нигде, кроме вашего журнала, я этого сделать не могу" (*ЛН*, т. 51--52, стр. 133). Но и эта просьба осталась безответной. По-видимому, редакции "Отечественных записок" были памяты враждебные выступления Боборыкина и его журнала в адрес "Современника". Кроме того, писательский авторитет Боборыкина для Некрасова в то время был невелик. В рецензии Салтыкова-Щедрина "Новаторы особого рода" (*ОЗ*, 1868, No 11) содержалась резкая критика романа Боборыкина "Жертва вечерняя" (1868) за "клубничку", за порнографические сценки.

Весной 1870 года Некрасов сам обратился к Боборыкину с предложением дать в журнал новый роман. "Считаю лишним распространяться, что нам нужно. Вы это сами хорошо знаете. На талант Ваш мы надеемся, а Вы, конечно, избегнете того, что нам не совсем по вкусу и на

что указание найдете в рецензии на одно из Ваших произведений, помещенной в "Отечественных записках" (XI, 171). Некрасов явно хотел привлечь Боборыкина на свою сторону и пытался воздействовать на его творчество.

Боборыкин стал сотрудничать в "Отечественных записках", опубликовал там в 70-е годы несколько романов: "Солидные добродетели", "Дельцы", "Доктор Цыбулька", повесть "Домохи". В 1871 году он по поручению редакции написал ряд статей о событиях, связанных с Парижской коммуной.

До начала 70-х годов Боборыкин и Некрасов не были лично знакомы. "Личность Некрасова тогда только в первые две зимы, проведенные мною в Петербурге - 1871--1872 годов, выяснилась передо мною с разных сторон" (П. Д. Боборыкин, Воспоминания, т. II, "Художественная литература", 1965, стр. 131).

К воспоминаниям о Некрасове Боборыкин обращался несколько раз: очерк "Николай Алексеевич Некрасов" (0882), статьи "Памяти Некрасова" (*Р. вед.*, 1902, No 29), "Некрасов - редактор" ("Слово", 1907, No 340), воспоминания о Некрасове в книге "За полвека" (гл. IX). Очерк явился основой других мемуарных произведений Боборыкина о Некрасове. В очерке "Николай Алексеевич Некрасов" запечатлелся сложный интересный облик поэта, детали его быта, образа жизни, отношении с людьми, характеризующие его как талантливого редактора, выдающегося деятеля русской литературы и "русского журнализма".

Либеральная тенденция, присущая взглядам Боборыкина, проявляется в трактовке художественной индивидуальности Некрасова, в противопоставлении в нем обличительной тенденции собственно поэтической.

Печатается с сокращениями по тексту журнала "Наблюдатель", 1882, No 4, стр. 62--73.

¹ Стр. 253. Василий Матвеев, в течение многих лет служил у Некрасова.

² Стр. 253. Имеется в виду Н. А. Бутылин.

³ Стр. 256. В 1902 г. Боборыкин припомнил следующий эпизод: "Раз захожу к Некрасову утром и застаю его в кабинете, как всегда в тесном шелковом, традиционного покроя халате, у самовара, за стаканом чая, с неизменной французской булкой. Читает корректуры. Это были гранки из первой части "Дельцов".

- Вот, отец, прочитываю вашу вещь... Что ж! Есть места, за которые большое вам спасибо.

Это значило, что он принял роман, не читая и первой части, и зная, что их будет несколько. "Небрежность! Легкомыслие!" - станут восклицать доктринеры, слишком ревниво смотрящие на свои редакторские прерогативы. А Некрасов рассуждал так: "Этого романиста я знаю и доверяю ему. Из-за чего я буду корпеть над его рукописью и задерживать его? А ознакомиться с вещью успею и читая корректуры" ("Памяти Некрасова". - *Р. вед.*, 1902, No 29, от 29 января).

⁴ Стр. 256. См. стр. 108.

⁵ Стр. 258. См. стр. 65.

⁶ Стр. 259 Имеются в виду члены Совета Главного управления по делам печати В. М. Лазаревский и Ф. М. Толстой.

⁷ Стр. 260. По словам Суворина, Некрасов говорил, что "стих" принесли ему "до 40 000 рублей во всю жизнь" (*НВ*, 1878, No 745). Большая часть этих средств была израсходована на издание "Современника".

